Д. А. РАДЧЕНКО

Радченко Дарья Александровна
кандидат культурологии
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: darya_radchenko@mail.ru

ПРАВО НА ПАМЯТЬ И ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ MEMORY STUDIES[1]

Вопросы исторической памяти и ее взаимодействия с актуальной повесткой весьма востребованы современными социокультурными исследованиями, в том числе имеющими прикладное значение. В русле этой проблематики в начале 2016 г. прошли две показательные научные встречи, которые высветили основные тренды в изучении памяти. В Лунде (Швеция) 3–4 марта 2016 г. был проведен воркшоп «Виртуальные зоны мира и конфликта. Цифровая память о конфликте»[2] («Virtual Zones of Peace and Conflict. Digitisation of Memories of Conflict»; организаторы — Центр урегулирования международных конфликтов (CRIC) Копенгагенского университета и Университет г. Лунд), посвященный презентации онлайн-архивов, связанных с травматической памятью. В Кембридже (Великобритания) 5–6 апреля 2016 г. прошла академическая конференция «Места амнезии: междисциплинарные подходы к забытому прошлому»[3] («Places of Amnesia: Interdisciplinary Perspectives on Forgotten Pasts», организатор — Кембриджский университет), сфокусированная на исследование памяти в антропологической перспективе. Несмотря на то что эти мероприятия различались как задачей, так и подбором докладчиков, в силу общности поднимаемых вопросов и неизбежных теоретических перекличек представляется обоснованным рассматривать их вместе. Ключевым посылом обоих мероприятий стала концепция активного взаимодействия с памятью о конфликтах — в основном вооруженного характера.

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

[2] Далее — ВЗ.

[3] Далее — МА.

© Д. А. РАДЧЕНКО

Исследование памяти, как, возможно, ни одно другое направление социальных наук, богато медицинскими метафорами. Вслед за ведущими теоретиками memory studies участники обеих конференций широко эксплуатировали понятия «травма», «амнезия», «коммеморативная булимия». Так, **Дж. Райт** (Jamie Wright, США; МА) поместила в центр своего исследования понятие афазии — неспособности говорить о травме (в противоположность амнезии, забыванию, разрыву между историей и языком), когда память сохраняется, но попытка ее проговаривания наталкивается на сопротивление. В качестве примера такой афазии Дж. Райт привела движение исторической реконструкции Гражданской войны в США: до настоящего времени история этого события остается настолько травматичной, что реконструкторы сознательно или бессознательно избегают проговаривать сложные и крупные вопросы (например, межрасовых отношений), пытаясь заполнить дискурсивные лакуны артефактами и мелкой военно-исторической фактологией. Медицинские метафоры болезни неизбежно приводят исследователей к аналогичным медицинским метафорам «лечения» и «исцеления». Операции с памятью приобретают терапевтическое значение.

Проговаривание или иное эксплицирование памяти — всегда выбор нарративов, конкуренция фреймов. Так, **К. Дайган** (Katie Digan, Бельгия; МА), обсуждая устойчивость и социальную роль коммеморативных смыслов, приписываемых тем или иным объектам, предложила к рассмотрению кейс о здании в Берлине, связанном с историей нацизма. Дебаты вокруг его послевоенного использования продемонстрировали, что один и тот же объект может восприниматься и демонстрироваться как сугубо физическая конструкция, как совокупность навязанных ей значений или как символ, созданный историей использования объекта, — и как система взаимосвязей между ними. Докладчица предложила разделять понятия «место памяти» — как физическую географическую точку и «пространство памяти» — как социальный процесс.

Ряд докладов был посвящен памяти как способу формирования доминирующего дискурса или сопротивления ему. **К. Аггестам** и **К. Кинвалл** (Karin Aggestam, Catarina Kinvall, Швеция; ВЗ) представили доклад о том, как конструирование национального мифа Индии связано с отбором из массива археологических данных, архивных и устных текстов моментов победы и поражения, с помощью которых можно объяснить актуальную травму. Путем апелляции к авторитету как сакральных, так и научных текстов националистский дискурс натурализуется и становится доминирующим. Доклад **М. Аурах** (Miriyam Aouragh, Великобритания; ВЗ) о протестах в Марокко был посвящен тому, как в формировании протеста реализуется память о предыдущих выступлениях и «мучениках сопротивления». Эта прецедентность связывает прошлое, настоящее и будущее в серию побед и поражений. Особая роль в этом процессе принадлежит оппозиционным интернет-сайтам, легитимизирующим ностальгию в целях политиче-

ской мобилизации. Тему сопротивления гегемонистской памяти подняла **С. Рамбладо** (Cinta Ramblado, Ирландия; МА) в докладе о режиме памяти/забвения в франкистской Испании. В то время как режим превращал места насилия в заброшенные, выключенные из социального оборота места путем физической трансформации и перемаркировки пространства, символическое сопротивление ему осуществлялось путем визуализации мест памяти при помощи фотографии и картографии. Применение картографии как инструмента памяти также является ключевым мотивом доклада **Д. Задразиловой** (Dagmar Zadrazilova, Великобритания; МА) о трансформации Берлина после Второй мировой войны: бывшие тюрьмы исчезают с карт города, делая места памяти жертв нацизма невидимыми и недоступными.

Одним из важных прикладных аспектов памяти, освещенных на конференциях, стало правосудие переходного периода (transitional justice). Документированная память является доказательством военных преступлений и преступлений против человечности и именно поэтому приобретает властное измерение. При том, что возможности памяти как инструмента восстановления справедливости в правовом поле практически не проблематизировались участниками, острые обсуждения возникали вокруг идеи права на альтернативные формы и содержание памяти, горя и забвения. **Т. Андерсен** (Tea S. Andersen, Дания; ВЗ) представила доклад о механизмах воспроизводства памяти и (пере)оценки прошлого, которые актуализируются в ходе общественных дискуссий о допустимости публичного бытования подобных неоднозначных элементов памяти на материале скандала, разразившегося, когда хорватский футболист воспроизвел во время игры лозунг фашистской Хорватии, тем не менее входящий в хорватский патриотический лексикон. В свою очередь, на конференции в Кембридже **Дж. Карр** (Gilly Carr, Великобритания; МА) показала, как локальное сообщество Нормандских островов сопротивляется мемориализации памяти о трудовых лагерях Второй мировой войны из-за того, что история оккупации до сих пор не является для него однозначной, а память о ней провоцирует социальные и политические конфликты между потомками заключенных и коллаборационистов. **Р. Стейн** (Rebecca Stein, США; ВЗ), обсуждая правомерность сбора и сохранения свидетельств о конфликтах показала, как израильский информационный центр по правам человека на оккупированных территориях «Бцелем», собирая материалы о палестино-израильских столкновениях при помощи розданных палестинцам любительских камер или смартфонов, сталкивается с сопротивлением израильского общества. Последнее не просто пренебрегает этой памятью и обеспечивающими ее архивными материалами; одним из механизмов отторжения нежелательной памяти оказывается подозрение в фальсификации палестинцами материалов о насилии. Такое подозрение приводит к очень детальному анализу доступных в Сети видео; потребитель становится экспертом, способным замечать мелочи (заметим, что аналогичный тренд наблюдается и на материале украинского конфликта). Камера становится оружием (ненасиль-

ственным) и подвергается насилию. Итак, помимо лежащей на поверхности функции солидаризации, память является источником конфликтов. **Й. И. Весселс** (Josepha Ivanka Wessels, Дания; ВЗ) предложила подходы к верификации таких любительских материалов в целях использования их в процессах transitional justice.

Замалчивание памяти, делание ее «как бы не бывшей» приводит к возникновению не только конфликтных ситуаций, но и практик преодоления этого замалчивания. Доклад **Э. ван Оммеринга** и **Р. эль Сусси** (Erik van Ommeringm, Reem el Soussi, Нидерланды; ВЗ) был посвящен практикам, связанным с коммеморацией пропавших без вести во время гражданской войны в Ливане — от вернакулярных практик «псевдопохорон» до архивной деятельности. В руандийском кейсе, предложенном к рассмотрению **Ф. Расмонт** (Florence Rasmont, Бельгия; МА), правительство препятствует мемориализации жертв геноцида, в то время как локальные активисты проводят работы по поиску и перезахоронению тел и организации мемориалов.

Предсказуемым образом значительное число докладов на обеих конференциях было посвящено формам мемориализации. На встрече в Лунде (ВЗ) **С. Язиги** (Sana Yazigi, Сирия), **Я. Бадран** (Yazan Badran, Сирия) и **К. Маклохлин** (Cahal McLaughlin, Ирландия) рассмотрели ряд кейсов о вернакулярных архивах и о локальных архивных проектах. Поскольку во всех рассмотренных ими ситуациях речь идет о сенситивной проблематике, а перед архивом ставится задача не столько сохранения памяти, сколько использования ее для примирения сторон, перед создателями таких архивов встает ряд этических вопросов, часть из которых нехарактерна для академического архива. В Кембридже (МА) серия докладов была посвящена переходным состояниям официальных памятников в условиях политической трансформации. Так, **К. Перистианис** (Christos Peristianis, Великобритания) выступил с сообщением о том, как памятники Второй мировой войне в Югославии превращаются из мест памяти в локусы забвения. Причиной этого, по его мнению, стала намеренная нейтральность памятников, призванных объединить вокруг памяти о войне разнородные этнические группы страны. После распада Югославии памятники оказались «ничьими местами», не отвечающими коммеморативным потребностям ни одной из групп и непонятными им. Взаимодействию с памятниками в контексте конкуренции памяти на Украине были посвящены доклады **М. Хартмонд** (Miroslava Hartmond, Великобритания) и **Д. Радченко** (Россия): в первом из них сопоставлялись «ленинопад» и аналогичные процессы на постсоветском пространстве, во втором – выстраивалась логика модификации памятников советским деятелям как промежуточного этапа на пути к их разрушению.

На пленарном заседании в Лунде (ВЗ) **К. Нордстром** (Carolyn Nordstrom, США) развернула перспективу изменения свойств памяти в ситуации киберпространства и задала направление обсуждений виртуальных архи-

вов. Докладчица обратила внимание на то, что манипуляции с визуальным материалов (при помощи, например, видеомонтажа) изменяют и подрывают память, возникает память о не-бывшем, и память устраняется, вместо того чтобы сохраняться. В докладе **Д. Делла Ратта** (Donatella Della Ratta, Дания) были поставлены вопросы о том, как влияет на память постоянное микширование анонимных видеоматериалов о насилии, не разрушает ли циркуляция материалов в Сети содержащийся в них месседж. **А. Киркегард** (Ane Kirkegaard, Швеция) и **Д. Радченко** (Россия) выступили с докладами о презентации и самопрезентации сторон гражданских конфликтов на материале соответственно родезийского и украинского конфликтов. Такая презентация, попадая в оборот Web 2.0, становится определяющей для массовой памяти; соответственно, встает вопрос о том, кто имеет право осуществлять практику коммеморации. Память становится достоянием внешних агентов и отчуждается от ее первоначальных владельцев.

Обе конференции фокусировались прежде всего на вернакулярных формах мемориализации, при этом конфликт о праве на коммеморацию связывался участниками научных встреч с противопоставлением «профессиональной» и «любительской» исторической архивной деятельности. В уже упомянутом докладе Дж. Карр (MA) был поднят вопрос о том, что «наследство» становится «наследием» тогда, когда над ним осуществляются операции ценностного характера, приписывающие ему определенное значение (раскопки, консервация, музеефикация и т. п.). Соответственно, возникает вопрос о том, кто имеет право на такие операции: сообщество, непосредственно имеющее отношение к данному «наследству»; специалисты, отличающие «наследство», имеющее узколокальную значимость, от наследия, актуального в том числе за пределами сообщества; власть, определяющая, какое именно наследие соответствует текущим и перспективным задачам; или же сложные коллаборации представителей каждой из этих групп.

Итак, проблематика memory studies связывается прежде всего с отношениями власти. Медицинская метафорика исследований памяти исходит из представления о личном взаимодействии с прошлым, об индивиде, столкнувшемся с травматической ситуацией и нуждающемся в помощи. Однако практически распоряжение памятью и само право на память и забвение оказываются отчуждены от индивида в пользу внешнего агента — будь то элиты, правительства, доминирующая социальная группа, специалисты по сохранению памяти и даже хакеры, имеющие доступ к личным материалам онлайн. Память всегда оказывается политическим инструментом, который в зависимости от контекста может быть направлен на поддержание доминирующего дискурса или сопротивление ему, на инициирование или разрешение конфликта и т. п. Понятие коллективной травмы, призванное решить эту проблему, заводит вместо этого в тупик, связанный с определением границ травмированной группы и права индивида на операции с памятью, отличающиеся от общепринятых в группе.

Память, таким образом, активно сопротивляется превращению в строго теоретическую категорию. В любой посвященной ей дискуссии актуализируются ситуации, имеющие сугубо прикладной характер. Память генерирует и модерирует конфликты между различными группами, реализуется в материальных объектах и виртуальном пространстве смыслов, становится элементом правового поля.

The right to remember and the right to forget: Practical implications of memory studies

Radchenko, Daria A.
PhD (Candidate of Science in Culture Studies)
Senior Researcher, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: darya_radchenko@mail.ru

Abstract. The paper reviews two conferences which took place almost simultaneously in 2016: the "Virtual Zones of Peace and Conflict. Digitisation of Memories of Conflict" workshop, organized by Copenhagen University in cooperation with Lund University (March 3–4), and the conference "Places of Amnesia: Interdisciplinary Perspectives On Forgotten Pasts", organized by Cambridge University (April 5–6). Both events were centered on practical implications of memory studies — from organizing online archives and the ethics of archaeological field work to transitional justice.

Radchenko, D. A. (2016). The right to remember and the right to forget: Practical implications of memory studies. *Shagi / Steps, 2*(4), 340–345